
ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ ШЕРСТОБОЕВ: ЖИЗНЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК 957
ББК 63.3(253.5)

А.М. КУРЫШОВ

В.Н. ШЕРСТОБОЕВ О ФАКТОРАХ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ИЛИМСКОГО КРАЯ В XVII ВЕКЕ

На основе анализа первого тома «Илимской пашни» рассматриваются особенности понимания В.Н. Шерстобоевым причин и характера русской колонизации Сибири в XVII в.

Ключевые слова: В.Н. Шерстобоев, «Илимская пашня», история Сибири, XVII в., колонизация Сибири.

A.M. KURYSHOV

V.N. SHERSTOBOEV ABOUT THE FACTORS OF RUSSIAN COLONIZATION OF ILIMSK REGION IN THE XVII CENTURY

On the basis of the analysis of the first volume of the «Ilim arable land» The author considers peculiarities of V. N. Sherstoboev's understanding of causes and nature of the Russian colonization of Siberia in the XVII century.

Keywords: V. N. Sherstoboev, «Ilim arable land», the history of Siberia, XVII century, colonization of Siberia.

В чем секрет обаяния «Илимской пашни» В.Н. Шерстобоева, обаяния, которому поддается каждый любитель истории, познакомившийся с этой книгой? Прежде всего — в том, что Вадим Николаевич сумел описать и детально проанализировать не какое-то отдельное явление, вырванное из контекста эпохи, а саму жизнь населения Илимского края в XVII–XVIII вв. Работая над свои трудом, он опирался исключительно на документы, бережно и корректно обращаясь с ними, но также привлекал данные естественных наук, использовал статистические методы анализа. И при этом, В.Н. Шерстобоев не был слепым позитивистом, его выводы имеют четкую философскую базу относительно исследуемого предмета (в узком смысле — жизни илимских крестьян, в широком — процессов освоения русскими Сибири), емко изложенную в предисловии к первому тому «Илимской пашни»: «Внутри дорусской Сибири не было сил, способных объединить ее разноплеменное население в самостоятельное целое. Местные народы неизбежно должны были со-

единить свою судьбу с судьбами большого народа. Таким народом по праву явился русский парод. А так как в те времена подлинной сердцевиной его были крестьяне, то, естественно, что крестьянство оказалось главным фактором превращения Сибири в русский край, а по составу населения — даже более русский, чем были некоторые доуральские и приволжские области» [4, с. 4]. Словом, не будучи историком-профессионалом, В.Н. Шерстобоев продемонстрировал, как нужно исследовать эпоху. Более того, по сути, он практически попытался написать ту историю, которую теоретически показали классики школы Анналов. Они ее называли «тотальной историей». И в этом смысле произведение Вадима Николаевича никак нельзя назвать узко-краеведческим, как это пытался представить неявный (и поэтому — вдвойне опасный) критик В.Н. Шерстобоева В.И. Шунков (мотивы этой критики, равно как и ее несостоятельность подробно описаны Д.Я. Майдачевским [2]). Напротив, «Илимская пашня» предстает своего рода энциклопедией знаний по социально-экономической истории Сибири, ибо описанные и проанализированные Вадимом Николаевичем процессы, связанные с развитием Илимского края в XVII–XVIII вв. во многом характеризуют эволюцию сибирского земледелия в целом. С точки зрения «тотальной истории», В.Н. Шерстобоев на примере «микропроцесса» (локальной истории формирования и развития Илимского воеводства) характеризует «макропроцесс» — историю земледельческого освоения Сибири, а шире — историю присоединения Сибири и становления России как таковой. В связи с этим видение автором «Илимской пашни» отдельных проблем представляет особый интерес и заслуживает пристального внимания. Одной из таких проблем является вопрос о движущих силах русской колонизации Илимского края, определяющих ее характер и особенности, в контексте освоения русскими Восточной Сибири.

Указанная проблема в тексте «Илимской пашни» решается в рамках доказательства нескольких тезисов. Первый — русская колонизация Илимского края, как и всей Восточной Сибири, была, прежде всего, колонизацией земледельческой. Второй — русская земледельческая колонизация Илимского края была инициирована государством и контролировалась им, хотя и обуславливалась известными обстоятельствами социально-экономического и природного характера. Третий — русская земледельческая колонизация, частным случаем которой предстает заселение русскими Илимского края, есть особый тип колонизации («крестьянская колонизация»); отличительной чертой ее является создание таких условий для преобладания пришлого населения, которые приводят к интеграции коренного населения в пришлую земледельческую культуру.

По поводу земледельческого характера русской колонизации Сибири В.Н. Шерстобоев высказывается однозначно. Сам по себе этот те-

зис не был нов, В.И. Шунковым он был сформулирован еще в 1940 г. в кандидатской диссертации, на основе которой в 1946 г. была издана монография «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков». И. Вадим Николаевич в этом вопросе не оспаривал приоритет Виктора Ивановича [2, с. 5]. Однако, во-первых, В.И. Шунков свои выводы базировал на исследованиях процессов освоения русскими Западной Сибири [7, с. 9]. В.Н. Шерстобоев, таким образом, подтвердил общий вывод В.И. Шункова о земледельческой колонизации для Восточной Сибири. Во-вторых, говоря о важном значении земледельческой колонизации, В.И. Шунков высказывался все же достаточно осторожно: «Наряду с “покорителями” и “промышленниками”, явившимися в Сибирь за драгоценной пушниной и быстро ее опромышлявшими, шли земледельцы, ставшие уже в XVII в. основой развития ее производительных сил» [7, с. 56], при этом «в отличие от военно-служилых, торговых и промышленных людей крестьяне в Сибири в XVII в. расселялись на сравнительно небольшой территории» [7, с. 57]. В.Н. Шерстобоев высказывается более определенно: «Не поиски пушнины, не разведки серебряных жил и золотых россыпей, не промысловая, торговая или промышленная колонизация Сибири, а сельскохозяйственное освоение ее является стержнем экономического развития Сибири» [4, с. 3]. Такое на первый взгляд незначительное расхождение в оценке степени приоритета земледельческой колонизации на самом деле есть следствие фундаментально разнящихся методологических установок. Наиболее ярким проявлением этого расхождения является различное понимание движущих сил земледельческой колонизации: для В.И. Шункова это — «слободчики» (крестьяне, добровольно переселявшиеся в Сибирь из-за желания уйти от феодального гнета), для В.Н. Шерстобоева это — пашенные крестьяне, сформировавшиеся как социальная группа из различных категорий населения — гулящих людей, служилых людей, ссыльных, вольных переселенцев. Частично это можно объяснить территориальными особенностями (В.Н. Шерстобоев осторожно замечает, имея в виду выводы В.И. Шункова по Западной Сибири: «Так называемые слободчики не играли существенной роли в развитии земледелия в Илимском крае, как это имело место в воеводствах Тобольского разряда» [4, с. 237]). Но при этом В.И. Шунков доказывал, что «слободчики», будучи изначально вольными людьми, и в Сибири постепенно закрепощаются государством, признаком чего называются случаи препятствий к переселению крестьян на новые земли, чинимых властями в лице государевых приказчиков. В.Н. Шерстобоев же осторожно называет илимских крестьян «не вполне свободными», замечает, что «оказалось исторически невозможным перенести в неприкосновенности строй крепостнических порядков Руси в Сибирь» [4, с. 593], и связывает порядки, существующие в XVII в. в Сибири с «государственным феодализмом», или с азиатским (а не фе-

одальным) способом производства [4, с. 593]. По большому счету, для В.И. Шункова земледельческая колонизация Сибири — процесс распрощания феодальных крепостнических порядков на новые земли, для В.Н. Шерстобоева — как способ утверждения Сибири за Россией.

В этой связи и следует, по-видимому, рассматривать тезис о изначально социально-политических мотивах русской земледельческой колонизации Илимского края, который последовательно отстаивается В.Н. Шерстобоевым. Заселение долины Илима и соседнего Приленья происходило по инициативе государства, понимавшего стратегическое значение района 1) для дальнейшего продвижения на юг — к Байкалу, 2) для обеспечения сообщения с Якутском и, далее, — с Даурией, 3) для снабжения хлебом служилых людей Якутска. Возможно ли было заселение Приилимья на добровольной основе и без помощи государства? Теоретически основным фактором размещения и численности населения территории являются особенности хозяйства, одним из важнейших условий развития которого, в свою очередь, выступает географическая среда. Правда, значимость географической среды в этом смысле зависит от уровня технологий: «Размещение и рост населения определяются в основном социально-экономическими факторами. Географическая же среда оказывает влияние на размещение населения главным образом косвенным путем, через влияние на условия развития экономики. Как и в других случаях, характер этого влияния историчен и меняется в зависимости от уровня развития общества» [1, с. 31]. В XVII в. технологии обработки земли находились на том уровне, который делал географическую среду очень значимым условием развития хозяйства. Из элементов географической среды, влияющих на хозяйство, приоритетное значение имеют климат (температура, осадки, солнечная радиация), качество почв, залежи руд, природная зональность (флора, фауна, рельеф). Все эти элементы тесно связаны друг с другом. Насколько географическая среда Приилимья была благоприятна для развития здесь земледелия? В.Н. Шерстобоев детально исследует этот вопрос и приходит к выводу, что «в целом климатические условия края позволяют создавать устойчивое и надежное земледелие, но предъявляют строгие требования к земледельцу в смысле точного учета их при проведении сельскохозяйственных работ» [4, с. 17], а «почвы Ангаро-Илимо-Ленского края требуют от земледельца тонкой и правильной оценки с точки зрения пригодности к сельскохозяйственному освоению» [4, с. 21]. Таким образом, землепашество в Илимском крае было возможно, но сопрягалось с определенным риском. Однако нужды государства требовали скорейшего освоения территории, поэтому первыми землепашцами в крае становятся служилые люди, которым запрещалось уходить с земли, и немногочисленные «слободчики». Ни те, ни другие не сыграли важной роли в развитии земледелия в Илимском крае, — «слободчи-

ки» исчислялись единицами, государева пашня исчезла уже к середине XVII столетия [4, с. 238]. Тогда государство стало привлекать на илимские земли гулящих людей, переселять сюда ссыльных, приверстывать вольных из других местностей. При этом процесс заселения Приилимья на всех этапах контролировался властями. «Каждому воеводе вменялось в неперемнную обязанность срочно определить места заселения и их поселенческую емкость, “высмотреть угодие места под пашню”». Поэтому вскоре после овладения краем начинаются поиски пригодных для земледелия мест» [4, с. 239]. Новые насельники получали из казны орудия труда, семена на посев, лошади, продовольственный хлеб до урожая. «Подмога была бесплатной и безвозвратной» [4, с. 241]. За все это каждый насельник должен был обрабатывать десятину государевой пашни. Таким образом, земледельческая колонизация Илимского края началась по инициативе государства и происходила под его патронажем. Попытки насадить землепашество оказались безуспешными, как и ожидания вольной колонизации. Был избран срединный путь, который и оказался самым эффективным, — колонизация осуществлялась добровольцами (ссылные использовались лишь на первом этапе колонизации), но при активном участии государства. Форсирование земледельческой колонизации было продиктовано государственными потребностями, но сама она производилась (и развивалась в дальнейшем) силами пашенных крестьян, что обеспечивалось природными условиями и поддержкой властей.

Такой «народно-государственный» симбиоз в совокупности с природными особенностями края обусловил особый — крестьянский — тип колонизации. В.Н. Шерстобоев охарактеризовал его так: «Осуществляют ее государственные пашенные крестьяне. Отношение к коренному населению — оттеснение и, в дальнейшем, установление хозяйственных и бытовых связей. Это приводит к восприятию коренным населением русской земледельческой культуры. Форма хозяйства — крестьянский двор» [4, с. 593]. Природные условия в процессе такой колонизации играли едва ли не первостепенную роль — узкая долина Илима, зажатая между высоких лесистых сопок, относительная редкость удобных для землепашества делали невозможным образование крупных поселений, поэтому здесь преобладали малодворные деревни, а «расселение мелкими однодворными деревнями позволило русским разрешить необычайно сложную задачу — быстро освоить обширные владения, превратить безымянные географические пространства в волости и уезды Русского государства, сельскохозяйственные пустыни — в земледельческие области» [4, с. 37]. Подобное мы наблюдаем и на севере Европейской России, в то время как на юге «более высокое плодородие почвы давало возможность селиться плотнее, строить большие деревни» [1, с. 32]. В.Н. Шерстобоев отмечает и еще одну предпосылку такого

характера размещения поселений, — отмечая, что в южной Руси были крупные поселения крестьян, он связывает это с особыми «условиями обороны» [4, с. 37, прим. 1]. То есть большие поселения создавались не только потому, что это позволяли природные условия (например, обилие плодородных почв), но и потому, что для защиты от кочевников требовалось объединение усилий многих земледельцев. Согласно этой логике, отсутствие внешней опасности, как, например, в Приилимье, где редкое тунгусское население не могло препятствовать русской колонизации края, позволяло создавать большое количество небольших поселений. В итоге «громадная и сравнительно густая сеть мелких русских селений сделала всю занятую местность непроницаемой для любого иноземного народа и позволила в ячейках между узлами сети осуществлять в дальнейшем размещение новых колонизационных отрядов крестьян» [4, с. 37]. Прямым следствием такого рода колонизации, как уже отмечалось, становилось постепенное включение коренного населения в систему земледельческого хозяйства. Для илимских тунгусов, например, это актуально уже к середине XVIII в. Быстрее всего в экономическом отношении ассимилировались так называемые «новокрещенные»: «От родового общинного строя у новокрещенных ничего не осталось. Одни стали хозяевами, другие батраками, соединяя иногда основные занятия с звериным промыслом» [5, с. 636].

Крестьянская колонизация не только прочно закрепляла за Россией новые территории, не только создавала условия для дальнейшего продвижения на восток и юг, но и обуславливала относительно мирный характер присоединения Сибири. Хотя сам В.Н. Шерстобоев в первом томе «Илимской пашни» изредка еще употребляет термин «завоевание» применительно к процессам присоединения Сибири к России [4, с. 3, 4, 413, 432, 536], все же из контекста понятно, что используется он по инерции. В годы написания Вадимом Николаевичем «Илимской пашни» как раз разворачивалась дискуссия о том, чем является включение Сибири в состав России — «завоеванием» или «освоением». Еще до Великой Отечественной войны господствовала первая точка зрения. Например, по А.П. Окладникову, русские-«завоеватели» преследовали конкретные цели — «новые территориальные захваты, которые должны были обеспечить господствующим классам России извлечение из покоренных стран их естественных богатств — прежде всего мехов» [3, с. 385]. Такая позиция не могла быть близкой В.Н. Шерстобоеву уже потому, что, во-первых, он по-иному видел цели и движущие силы русской колонизации, во-вторых, по-другому представлял себе ее значение для народов Сибири. Поэтому, когда В.Н. Шерстобоев пишет: «Русским, вышедшим в 30-х годах XVII столетия к пространствам Средне-Сибирского плоскогорья, предстояло разрешить две задачи: освоить Ангаро-Илимо-Ленское междуречье и обеспечить дальнейшие завоева-

тельные мероприятия» [4, с. 4], — он имеет в виду не то, что русские готовятся осуществлять колониальную политику, «следствием которой были истощение производительных сил страны, хозяйственный упадок, физическое истребление и вымирание значительной части ее коренного населения» [3, с. 19], а то, что они идут объединить Сибирь под началом России для созданию условий ее дальнейшего успешного развития. В этом смысле ему близка позиция В.И. Шункова, одним из первых предложившего рассматривать включение сибирских земель в состав Российского государства как «вхождение» (в этом смысле особо показателна работа В.И. Шункова «Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век)» [6]).

Намеченные В.Н. Шерстобоевым контуры интерпретации проблемы факторов русской колонизации Илимского края характеризуют его не только как талантливого исследователя, не только как вдумчивого мыслителя, но и как настоящего русского патриота, любящего и уважающего историю своего народа.

Список использованной литературы и источников

1. Дулов А. В. Географическая среда и история России (конец XV — середина XIX века) / А. В. Дулов. — М. : Наука, 1983. — 256 с.
2. Майдачевский Д. Я. Еще одна история с географией, или О том, как «исчезла» илимская пашня / Д. Я. Майдачевский // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. — С. 4–17.
3. Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.) / А. П. Окладников. — Л. : ОГИЗ, 1937. — 428 с.
4. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. I : Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века / В. Н. Шерстобоев. — Иркутск : Иркут. ОГИЗ, 1949. — 595 с.
5. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. II : Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века / В. Н. Шерстобоев. — Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1957. — 673 с.
6. Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век) / В. И. Шунков. — М. : Изд-во АН СССР, 1956. — 228 с.
7. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков / В. И. Шунков. — М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. — 228 с.

Информация об авторе

Курьшов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, кафедры истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@bgu.ru.

Author

Andrey M. Kuryshov — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of History and International Relations, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: history@bgu.ru.